

Станислав

— J E M

Станислав

ДЖЕМ

Рассказы
о пилоте Пирксе
Фиаско

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44
Л44

Серия «Лем — собрание сочинений (Neo)»

Stanislaw Lem
COMPLETE WORKS VOL.7
(Opowiesci o pilocie Pirxie, Fiasko)

Перевод с польского

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения наследников Станислава Лема
и Агентства Andrew Nurnberg Associates International Ltd.

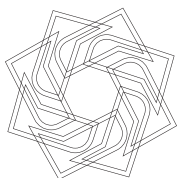
Лем, Станислав.

Л44 Рассказы о пилоте Пирксе ; Фиаско : [сборник : перевод с польского] / Станислав Лем. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 672 с. — (Лем — собрание сочинений (Neo)).

ISBN 978-5-17-121464-7

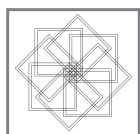
В этот том вошли рассказы и роман о пилоте Пирксе. История приключений героя, сначала — курсанта, а потом — уже опытного космического пилота, восхищает читателей не только сюжетным многообразием и увлекательностью, но и фирменным «лемовским» юмором и тонким, неожиданным философским подтекстом...

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44

Рассказы о пилоте Пирксе

Испытание

1

— Курсант Пиркс!

Голос Ослиного Лужка заставил его очнуться. Он как раз представил себе, что в часовом кармашке старых гражданских брюк, спрятанных на дне шкафа, завалялась двухкрановая монетка. Серебряная, звенящая, забытая. Еще минуту назад он точно знал, что там ничего нет — разве что старая почтовая квитанция, — но постепенно уверил себя, что монета там могла быть, и, когда Ослиный Лужок назвал его имя, он уже в этом не сомневался. Он прямо-таки осязал ее округлость и видел, как она распирает кармашек. Можно сходить в кино, и полкроны еще останется. А если только на хроникер, останется полторы; крону он отложил бы, а на остальное сыграл бы на автоматах. А вдруг автомат заест, и он начнет без конца сыпать монеты прямо в протянутую ладонь — только успевай рассовывать по карманам и опять подставлять руку... случилось же такое со Смигой! Он уже сгибался под тяжестью неожиданно привалившего к нему богатства, когда его вызвал Ослиный Лужок.

Преподаватель, заложив, как обычно, руки за спину и опираясь на здоровую ногу, спросил:

— Курсант Пиркс, что бы вы сделали, если бы в патрульном полете встретили инопланетный корабль?

— Я бы приблизился, — проговорил он глухим, почему-то огрубевшим голосом.

Аудитория замерла. Это обещало быть поинтереснее лекции.

— Очень хорошо, — отечески подбодрил его Ослиный Лужок. — И что же дальше?

— Я бы затормозил, — выпалил курсант Пиркс, чувствуя, что вышел далеко за переднюю линию своих познаний. Он лихорадочно искал в опустевшей вдруг голове какие-то параграфы «Поведения в Пространстве». Ему казалось, что он в жизни туда не заглядывал. Он скромно потупил глаза и увидел, что Смига что-то шепчет одними губами. Он угадал подсказку и повторил ее вслух, прежде чем смысл сказанного дошел до него:

— Я бы им представился.

Весь курс застонал от смеха. Даже Ослиный Лужок не смог удержаться. Однако серьезность очень скоро вернулась к нему.

— Курсант Пиркс, завтра зайдите ко мне с бортовым журналом. Курсант Бёрст!

Пиркс сел так осторожно, точно стул был из стекла, еще не совсем остывшего. Он даже не очень-то обижался на Смигу — такой уж он был, Смига, не мог пропустить удачной okazji. Он не слышал ни слова из того, что говорил Бёрст, — тот чертил на доске кривые, а Ослиный Лужок, как обычно, приглушал ответы электронного Вычислителя, так что отвечавший в конце концов запутывался в расчетах. Устав разрешал прибегать к помощи Вычислителя, но у Ослиного Лужка была собственная теория на этот счет: «Вычислитель — тот же человек, — говорил он, — и может оплошать». Пиркс и на Ослиного Лужка не обижался. Он вообще ни на кого не обижался. Почти никогда. Пять минут спустя он уже стоял перед магазином на улице Диерхоф и разглядывал выставленные в витрине газовые пистолеты. Из них можно было стрелять холостыми зарядами — пулевыми и газовыми, полный комплект шесть крон, вместе с сотней патронов. Понятно, на Диерхоф он тоже был только в мечтах.

После звонка курсанты двинулись к выходу — но без крика и топота, как первый или второй курс; в конце концов, они уже не дети! Чуть ли не половина курса пошла в столовую — есть там пока было нечего, зато можно было встретить новую официантку. Говорят, хорошенькая. Пиркс медленно спускался по лестнице, минуя остекленные стеллажи, заставленные звездными глобусами, и надежда на то, что в кармашке действительно есть монета, таяла с каждым шагом. На последней ступеньке он уже точно знал, что ее там никогда не было.

У арки ворот стояли Бёрст, Смига и Паярец, с которым они полгода сидели за одним столом на космодезии. Он тогда замазал тушью все звезды в атласе Пиркса.

— У тебя завтра пробный полет, — сказал Бёрст, когда Пиркс поравнялся с ними.

— Порядок, — отозвался он флегматично. Его так просто не разыграешь.

— Не веришь — прочти! — Бёрст ткнул пальцем в стекло доски приказов.

Пиркс хотел пройти дальше, но голова повернулась сама. В списке было только три имени. «Курсант Пиркс» — значилось там черным по белому, в самом верху.

Несколько мгновений он ничего не видел.

Потом откуда-то издалека услышал собственный голос:

— Ну так что? Я же сказал — порядок.

Дорожка вела между клумбами. В этом году тут было множество незабудок, искусно высаженных в виде приземляющейся ракеты. Лютики изображали выхлопной огонь, но они уже отцвели. Пиркс не видел ни клумб, ни дорожки, ни незабудок, ни Ослиного Лужка, поспешным шагом вышедшего из бокового флигеля Института, чуть было не налетел на него в воротах и отдал честь перед самым его носом.

— А, Пиркс! — сказал Ослиный Лужок. — Вы ведь завтра летите? Хорошей тяги! Может, вам посчастливится встретить тех — инопланетян.

Здание общежития находилось напротив, в парке, за большими плакучими ивами. Оно стояло у пруда, и каменные колонны бокового крыла высились над самой водой. Кто-то пустил слух, будто эти колонны привезены прямо с Луны, — вздор, разумеется, — но первокурсники со священным трепетом вырезали на них инициалы и даты. Где-то там было и имя Пиркса — он усердно выдолбил его четыре года назад.

В своей комнате — такой маленькой, что он жил в ней один, — он долго не мог решить, стоит ли открывать шкаф. Он точно помнил, где лежат старые брюки. Их запрещалось оставлять у себя, потому-то он их и оставил. Ну, какой еще от них прок? Он зажмурился, присел на корточки, через приоткрытую дверцу сунул руку вовнутрь — и ощупал кармашек. Ну конечно, он так и знал. Там ничего не было.

2

Он стоял в ненадутом комбинезоне на стальном помосте, под самой крышей ангара, цепляясь локтем за трос, протянутый вместо поручней: обе руки у него были заняты. В одной он держал бортовой журнал, в другой — шпаргалку. Шпаргалку одолжил ему Смига — говорили, что с ней летал весь курс. Неясно, правда, как она возвращалась обратно, ведь после первого пробного полета курсантов сразу же отправляли на север, на Базу, и зубрежка к выпускным экзаменам шла уже там. Но, видно, как-то она возвращалась — может, ее сбрасывали на парашюте? Конечно, это была только шутка.

Он стоял на пружинящей стальной доске, над сорокаметровой бездной, и коротал время, пробуя угадать, будут ли его обыскивать, — это, увы, случалось. В пробные полеты курсанты брали самые неожиданные и строжайше запрещенные вещи: от плоских флажков с водкой и жевательного табака до фотографий знакомых девушек. Не говоря уж, само собой, о шпаргалках. Пиркс долго искал на себе место, где бы ее спрятать. Он перепрятывал ее раз пятнадцать — в ботинок под пятку, между двумя носками, за край ботинка, во внутренний карман комбинезона, в маленький звездный атлас — карманные брать разрешалось; подошел бы футляр для очков, но, во-первых, футляр понадобился бы громадный, во-вторых, он не носил очков. Чуть позже он сообразил, что в очках его бы не приняли в Институт.

Итак, он стоял на стальном помосте в ожидании обоих инструкторов и Шефа, а те почему-то опаздывали, хотя старт был назначен на девятнадцать сорок, а часы уже показывали девятнадцать двадцать семь. Будь у него кусочек пластыря, он, пожалуй, прилепил бы шпаргалку под мышкой. Говорят, коротышка Джеркес так и сделал, а когда инструктор дотронулся до него, запищал, что, дескать, боится щекотки, — и проскочил. Но Пиркс не был похож на человека, который боится щекотки. Он это знал и не обманывался на свой счет. Поэтому он просто держал шпаргалку в правой руке; потом, вспомнив, что придется здороваться за руку со всей троицей, переложил шпаргалку в левую, а бортжурнал — из левой в правую. Манипулируя таким образом, он незаметно привел в движение стальной помост — тот уже раскачивался, как трамплин. И тут он услышал шаги. Идущих он увидел не сразу — под крышей ангара было темно.

Явились все трое, как обычно ради такой оказии — в мундирах, стройные и подтянутые, особенно Шеф. А на нем, на курсанте Пирксе, был комбинезон, который даже без воздуха выглядел как двадцать сложенных вместе доспехов регбийного игрока, к тому же по обе стороны высокого ворота свисали разъемы кабелей ближней и дальней радиосвязи, на шее болтался шланг кислородного аппарата с вентилем на конце, в спину врезался резервный баллон, в двойном противопотном белье было дьявольски жарко, но пуще всего его донимало устройство, благодаря которому в полете не надо отлучаться по нужде (впрочем, в ракете первой ступени, служившей для пробных полетов, отлучиться было бы некуда).

Помост вдруг начал подпрыгивать. Кто-то шел сзади — это был Бёрст, в таком же комбинезоне; он четко отдал честь рукой в огромной перчатке и остановился так близко от Пиркса, словно всерьез решил спихнуть его вниз.

Когда начальство двинулось наконец вперед, Пиркс удивленно спросил:

— Ты тоже летишь? Тебя же не было в списке.

— Брендан заболел. Я за него, — ответил Бёрст.

Пирксу стало как-то не по себе. В конце концов, это была редкая, прямо-таки единственная возможность хотя бы на миллиметр подняться к недостижимым высотам, на которых пребывал Бёрст, словно бы вовсе о том не заботясь. У них на курсе он был не только самым способным — с этим Пиркс еще примирился бы, он даже питал уважение к математическим талантам Бёрста, с тех пор как имел случай наблюдать его мужественный поединок с электронным Вычислителем: Бёрст стал отставать лишь при извлечении корней четвертой степени, мало того что он был из состоятельной семьи и не имел нужды предаваться мечтам о монетах, заваливавшихся в старых штанах, — но он к тому же показывал превосходные результаты в легкой атлетике, прыгал как черт, отлично танцевал и, что тут скрывать, был очень хорош собой, чего нельзя было сказать о Пирксе.

Они шли по длинному помосту между решетчатыми консолями перекрытия, мимо выстроенных в ряд ракет, пока полумрак не сменился солнечным светом: здесь перекрытие было уже раздвинуто на протяжении двухсот метров. Над огромными бетонированными воронками, которые вбирали в себя и отводили пламя выхлопа, высились рядом две конусообразные громадины — во всяком случае, Пирксу они показались громадинами: сорок восемь

метров в высоту и одиннадцать в диаметре в самом низу, у ускорителей.

К люкам, уже открытым, были переброшены мостики, но проход загораживали маленькие красные флажки на гибких флагштоках и свинцовых подставках. Пиркс знал, что сам отодвинет флажок, когда на вопрос, готов ли он выполнить задание, ответит «готов», — и сделает это впервые в жизни. И тут же им овладело предчувствие, что, отодвигая флажок, он споткнется о трос и непременно растянется на помосте — такое случалось. А если с кем-то случалось, то с ним случится *навверняка*: временами ему казалось, что он невезучий. Преподаватели смотрели на это иначе — дескать, он ротозей, растяпа и вечно думает о чем угодно, только не о том, о чем полагалось бы думать. И правда, мало что давалось ему с таким трудом, как слова. Между его поступками и мыслями, облеченными в слова, зияла... не то чтобы пропасть, но, во всяком случае, какой-то зазор, который осложнял ему жизнь. Преподаватели не догадывались о том, что Пиркс мечтатель. Об этом не догадывался никто. Считалось, что он вообще ни о чем не думает. А это было не так.

Краешком глаза он увидел, что Бёрст уже стоит, как положено, в одном шаге от переброшенного к люку ракеты мостика, вытянувшись по стойке «смирно» и прижав руки к ненадутым резиновым сочленениям комбинезона.

Он подумал, что Бёрсту к лицу даже этот чудной наряд, словно сшитый из сотни футбольных мячей, и что комбинезон Бёрста действительно не надут, тогда как его собственный надут как-то неравномерно, и поэтому в нем так неудобно ходить, приходится так широко расставлять ноги. Он сдвинул их как можно теснее, но каблуки все равно не сходились. Почему же они сходились у Бёрста? Непонятно. Впрочем, если бы не Бёрст, он начисто забыл бы о том, что надо встать по стойке «смирно» спиной к ракете, лицом к трем людям в мундирах. Сперва они подошли к Бёрсту — допустим, лишь потому, что тот начинался на «Б», но и это не было чистой случайностью, вернее, было случайностью не в пользу Пиркса: ему всегда приходилось подолгу маяться в ожидании вызова, и он всякий раз нервничал — уж если должно случиться что-то плохое, то лучше бы сразу.

Он с пятого на десятое слышал, что говорили Бёрсту, а тот, вытянувшись в струнку, отвечал так быстро, что Пиркс ничего не понял. Потом они подошли к нему, и, когда Шеф начал говорить,

Пиркс вдруг вспомнил, что лететь должны были трое, а не двое, куда же девался третий? К счастью, он все же услышал слова Шефа и в последнюю минуту успел выпалить:

— Курсант Пиркс к полету готов!

— Мда-а... — протянул Шеф. — И курсант Пиркс заявляет, что здоров телом и духом... гм... в пределах своих возможностей?

Шеф любил украшать стереотипные вопросы подобными завитушками и мог себе это позволить — на то он был и Шеф.

Пиркс подтвердил, что здоров.

— На время полета произвожу вас, курсант Пиркс, в пилоты, — произнес Шеф сакраментальную фразу. — Задание: вертикальный старт на половинной мощности ускорителей. Выйти на эллипс Б-68. Затем ввести поправку для выхода на постоянную орбиту с периодом обращения 4 часа 26 минут. На орбите ждать два корабля прямой связи типа ИО-2. Вероятная зона радарного контакта — сектор III, спутник ПАЛ, допустимое отклонение шесть угловых секунд. Установить радиотелефонную связь с целью согласования маневра. Маневр: сойти с постоянной орбиты курсом 60 градусов 24 минуты северной широты, 115 градусов 3 минуты 11 секунд восточной долготы. Начальное ускорение 2,2 g. Конечное ускорение по истечении 83 минут — ноль. Поддерживая радиотелефонную связь, пилотировать оба ИО-2 в строю треугольником до Луны, выйти на временную орбиту в ее экваториальной зоне согласно указаниям Луны-ПЕЛЕНГ, убедиться, что ведомые корабли находятся на орбите, сойти с нее и, выбирая ускорение и курс самостоятельно, вернуться на постоянную орбиту в зоне спутника ПАЛ. Там ожидать дальнейших приказаний.

Курсанты говорили, что скоро взамен нынешних шпаргалок появятся электронные — электромозги размером с вишневую косточку; дескать, сунешь их в ухо или под язык, и они всегда и везде подскажут что хочешь. Но Пиркс в это не верил, полагая — вполне основательно, — что если что-нибудь такое появится, то курсанты будут уже не нужны. Пока что ему пришлось самому повторить задание — и ошибся он только раз, зато основательно, спутав минуты и секунды времени с минутами и секундами долготы. После чего, потный как мышь в своем противопотном белье под толстой оболочкой комбинезона, стал ждать дальнейшего развития событий. Повторить-то он повторил, но смысл задания еще не начал доходить до него. Единственной застрявшей в голове мыслью было: «Ну и досталось же мне сегодня!»

В левой руке он сжимал шпаргалку, правой протянул Шефу бортовой журнал. Устный пересказ был просто педантством: все равно задание вручалось в письменном виде, с вычерченным начальным отрезком курса. Шеф вложил конверт с заданием в кармашек, приклеенный к обложке журнала, вернул журнал Пирксу и спросил:

— Пилот Пиркс, к старту готовы?

— Готов! — ответил пилот Пиркс. В эту минуту ему хотелось лишь одного: очутиться в рулевой рубке. Только бы расстегнуть комбинезон, хотя бы у шеи!

Шеф отступил на шаг.

— По раке-е-там! — крикнул он великолепным, стальным голосом, который, как колокол, перекрыл глухой, неустанный гул огромного ангара.

Пиркс развернулся кругом, схватил красный флажок, споткнулся о трос ограждения, в последний момент удержал равновесие и тяжело, словно Голем, ступил на узенький мостик. Он был еще только на середине, когда Бёрст (сзади он все же смахивал на футбольный мяч) уже входил в свою ракету.

Пиркс спустил ноги внутрь, ухватился за толстую обшивку люка, съехал по эластичному желобу вниз, не притрагиваясь к перекладинам («перекладины — только для умирающих пилотов», — говаривал Ослиный Лужок), и начал задраивать люк. Они отрабатывали это на тренажерах, а потом на настоящем люке, снятом с ракеты и установленном посреди учебного зала. Сотни, тысячи раз, до осточертения — левая рукоятка, правая рукоятка, пол-оборота, проверить герметичность, обе рукоятки до конца, дожать, проверить герметичность под давлением, задрать внутреннюю крышку люка, выдвинуть противометеоритный экран, покинуть входной туннель, запереть дверцу кабины, дожать, рукоятка, вторая рукоятка, стопор, все.

Пиркс подумал, что Бёрст, должно быть, давно уже сидит в своем стеклянном колпаке, тогда как он сам еще доворачивает маховик затвора, — и тут же вспомнил, что они ведь стартуют не одновременно, а с шестиминутным интервалом, так что спешить некуда. И все-таки лучше заранее сидеть на своем месте с включенным радиофоном — по крайней мере услышишь команды, которые отдают Бёрсту. Интересно, у него-то какое задание?

Свет в кабине включился автоматически, как только он задрал наружную крышку люка. Заперев свою лавочку на все засовы,

он по маленькому ступенчатому скату, высланному шершавым и в то же время мягким пластиком, перешел на место пилота.

Бог знает, почему в этих маленьких одноместных ракетах пилот сидел в большой — три метра в диаметре — стеклянной банке. Банка эта, хотя и совершенно прозрачная, была, конечно, не из стекла и к тому же пружинила наподобие толстой, очень твердой резины. Этот пузырь, с раскладывающимся креслом пилота посередине, помещался внутри самой рулевой рубки, слегка конусообразной, так что пилот в своем «зубоврачебном кресле» (так его именовали курсанты) мог свободно вращаться по вертикальной оси и сквозь прозрачные стенки пузыря, в котором он был заключен, видел все циферблаты, индикаторы, передние, задние, боковые экраны, табло обоих вычислителей и астрографа и, наконец, святая святых — траектометр, на матовом, выпуклом стекле которого яркой, толстой чертой обозначался путь ракеты относительно неподвижных звезд в проекции Гаррельсбергера. Элементы этой проекции надо было знать наизусть и уметь читать ее по приборам в любом положении, даже вися вверх ногами. Слева и справа от сидящего в кресле пилота располагались четыре главные рукоятки реактора и рулевых отклоняющих дюз, три аварийные рукоятки, шесть рычагов малого пилотажа, рычаги пуска и холостого хода, регуляторы мощности тяги и продувки дюз; над самым полом — большое спицевое колесо климатизаторной и кислородной регулировки, рукоятки противопожарного устройства и катапульты реактора (на случай возникновения неконтролируемой ядерной реакции), тросик с петлей, закрепленной на верхней части шкафчика с термосами и едой, а под ногами — тормозные педали с мягким покрытием и петлями в виде стремян и еще педаль аварийной эвакуации: если на нее нажать (для этого надо было ногой разбить ее колпачок), пузырь катапультировался вместе с креслом, пилотом и ленточно-кольцевым парашютом.

Кроме этой главной цели — спасения пилота в случае неустрашимой аварии, — насчитывалось еще не меньше восьми крайне важных причин, из-за которых понадобился стеклянный пузырь, и в более благоприятных условиях Пиркс даже сумел бы одним духом перечислить их все, но ни одна из них не казалась ему (да и другим курсантам) достаточно веской.

Расположившись как следует, он, с немалым трудом сгибаясь в поясе, принялся ввинчивать все свисавшие и торчавшие из него трубки, кабели и провода в разъемы, которыми ошетинилось